

DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.031

УДК 070.23:82-7 + 82'06

И. В. КозловУральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия**СТИХОТВОРНЫЕ ФЕЛЬЕТОНЫ П. Я. БЛИНОВСКОГО
В ГАЗЕТАХ «УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ» И «УРАЛЬСКАЯ НОВЬ»:
ЖАНР И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ***

В статье рассмотрены особенности трансформации жанра фельетона в послереволюционном газетном дискурсе. Объектом исследования стали фельетоны П. Я. Блиновского, завоевавшего популярность в екатеринбургской прессе еще до революции 1917 г., а после революции печатавшего фельетоны в газетах «Уральский рабочий», «Уральская новь» и приложениях к ним. В статье исследованы особенности создания образа лирического героя фельетонов, художественные приемы, которыми пользуется фельетонист в послереволюционном творчестве в сравнении с предреволюционным. Творческая деятельность Блиновского показана в контексте его биографии, для чего привлекаются архивные данные: прослежен насыщенный событиями жизненный и творческий путь Блиновского в 1914–1922 гг. Блиновский делает попытку вернуться к своему читателю, но на новом историческом этапе, избирая новый псевдоним, меняя художественный язык. Неизменным при этом остается требование практической пользы фельетона. В советское время творческий опыт Блиновского в качестве автора фельетонов в «Уральском рабочем» был забыт. В то же время эти тексты могут служить примером использования дореволюционных художественных приемов в прессе 1920-х гг. Опыт П. Я. Блиновского был редким для екатеринбургских газет этого времени, его стихотворные тексты были востребованы и до, и после революции 1917 г. в газетах, придерживавшихся различных политических программ. При этом его стихотворные фельетоны сохраняли актуальность для современного им читателя, одновременно смягчая переживание травматичного опыта перехода к новой социально-политической системе. Поэтому особенности приспособления фельетонного художественного языка к новым реалиям советской прессы должны быть изучены достаточно подробно.

К л ю ч е в ы е с л о в а: художественная литература и революция; фельетон; газетный дискурс; лирический герой; метафора; рифма; псевдоним; уральская литература.

Ц и т и р о в а н и е: Козлов И. В. Стихотворные фельетоны П. Я. Блиновского в газетах «Уральский рабочий» и «Уральская новь»: жанр и исторический контекст // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 135–146.

*Поступила в редакцию 12.07.2018**Принята к печати 18.04.2019*

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX — первой трети XX века» № 16-04-00118а.

Iliia V. Kozlov

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

**POETIC FEUILLETONS BY P. YA. BLINOVSKY
IN THE NEWSPAPERS *URALSKY RABOCHIY* AND *URALSKAYA NOV'*:
GENRE AND HISTORICAL CONTEXT**

This article considers features of the transformation of the feuilleton genre within post-revolutionary newspaper discourse. The author examines feuilletons by P. Ya. Blinovskiy, who gained popularity with the Yekaterinburg press before the Revolution of 1917 and published articles in the newspapers *Uralsky Rabochiy*, *Uralskaya Nov'* and their supplements after the Revolution. The article studies the features underlying the image of the persona of feuilletons, the artistic techniques used by the feuilletonist in his post-revolutionary creative work as compared to his prerevolutionary works. Blinovskiy's creative activity is shown in the context of his biography, for which the author considers archival data: the life and creative path of Blinovskiy between 1914 and 1922 which was full of activity both on the personal and creative levels. Blinovskiy attempts to return to his reader, but at a new historical stage, choosing a new pseudonym, changing his artistic language. The demand for the practical use of the feuilleton remains unchanged. During the Soviet era, the creative experience of feuilletonists was not studied enough, Blinovskiy's experience as an author of feuilletons in *Uralsky Rabochiy* was forgotten. Nevertheless, Blinovskiy's poetic feuilletons can serve as an example of the use of pre-revolutionary artistic techniques in the Soviet era. The experience of P. Ya. Blinovskiy was rare for the Yekaterinburg press, his poetic texts were in demand both before and after the Revolution of 1917 in newspapers that adhered to various political programmes. At the same time, his poetic feuilletons remained relevant for the contemporaries, while at the same time alleviating the experience of the traumatic transition to a new sociopolitical system. Therefore, the features of adaptation of the artistic language of the feuilleton to the new realities of the Soviet press should be studied in detail.

Key words: fiction and revolution; feuilleton; newspaper discourse; persona; metaphor; rhyme; pseudonym; Ural literature.

Acknowledgements

The study was financially supported by the *Russian Foundation for Humanities*, project no. 16-04-00118a "On the Border of Literature and Fact: The Languages of Self-description in the Periodical Press of the Urals and the Northern Urals of the 19th – First Third of the 20th Centuries".

Citation: Kozlov, I. V. (2019). Stihotvornye fel'etony P. Ya. Blinovskogo v gazetakh "Uralsky rabochi" i "Uralskaya nov'": zhanr i istoricheskij kontekst [Poetic Feuilletons by P. Ya. Blinovskiy in the Newspapers *Uralsky Rabochiy* and *Uralskaya Nov'*: Genre and Historical Context]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 2 (187), 135–146.

Submitted on 12 July, 2018

Accepted on 18 April, 2019

В последние годы в научной литературе активно разрабатывается проблематика фельетона в дореволюционной провинциальной прессе: собран богатый фактический материал (переиздаются тексты наиболее известных фельетонистов, см., например: [Чекин]), теоретически осмысливается феномен этого жанра газетной литературы [Старых; Жиликова; Красовская; Мандрика; Власова]. Но следует отметить, что и в советских газетах фельетон (в том числе стихотворный) не был забыт; есть примеры, когда известный до революции фельетонист был востребован новой советской прессой, и один из них — П. Я. Блиновский.

В самом начале 1920-х гг. в двух екатеринбургских газетах публиковались стихотворные и прозаические фельетоны под псевдонимами *Бунтарь*, *Горец*, *Земляк*, *Старожил*, *Резец*, автором которых был Павел Яковлевич Блиновский. До революции 1917 г. его фельетоны появлялись в газетах «Урал» (под псевдонимом *L'homme qui rit*), «Уральская жизнь» (*Путник*, *Мистер Бумс*) и в издававшихся им самим журналах «Гном» и «Рубин». Чаще всего П. Я. Блиновский публиковал фельетоны под псевдонимом *Мистер Бумс* (причем использовал его в разных газетах) и только после революционных событий 1917 г., после возвращения на Урал из Москвы он решает сменить псевдоним. Последние фельетоны Блиновского в уральской дореволюционной периодике появляются в июле 1914 г. [см.: Козлов]. Вплоть до 1922 г. сведения о нем в уральской прессе отсутствуют, но основную информацию об этом времени в жизни автора можно почерпнуть в архиве, сохраненном вдовой Блиновского Софьей Евгеньевной и краеведом А. К. Шарцем, который планировал издать научную работу, посвященную дореволюционному фельетонисту, но по различным причинам этот замысел не удалось осуществить. В архиве хранится письмо друга Блиновского — Александра Никитича Лаврухина, — по содержанию которого можно понять, какие стихотворные задачи стояли перед Блиновским в 1914 г. помимо написания ежедневных фельетонов. Он создает и отсылает Лаврухину, по-видимому, рекламные стихотворные тексты о «карамели», «шоколаде» и «махорке», планирует создать стихотворную «школьную азбуку», «серию стихов, посвященных крестьянской жизни и труду». В финале письма Лаврухин приглашает Блиновского на работу в Москву:

Не угодно ли будет тебе перебраться в Москву в наш Союз? Если против этого ничего не имеешь, то будет создана должность секретаря при председателе и члене Бюро, заведывающем (так! — И. К.) торговыми операциями. Оклад 1500 рублей и 300 рублей прибавки на дороговизну. С 1-го января, кроме существующих журналов «Союз Потребителей» и «Объединение», будет выходить еще третий «Общее дело» (для рабочих). Конечно, надеемся, что ты примешь самое деятельное участие во всех этих журналах. Обязанность секретаря сводится к разработке отдельных специальных вопросов и писанию докладов. Официальные занятия с 9-ти до 4-х. Если это тебе подходит, не замедли сообщить, и тогда вопрос будет проводиться скорым порядком [Телеграммы и письма П. Я. Блиновскому...]¹.

¹ Условно это письмо можно датировать 1913 г., поскольку упоминающийся в нем журнал «Общее дело» начал выходить в 1914 г.

А. Н. Лаврухин был издателем журналов «Гном» и «Рубин», Блиновский — их редактором, этих людей связывала давняя дружба и общее дело — в письме упоминается кооперация, которой Блиновский посвятил много стихотворений, они были напечатаны в журнале «Уральское хозяйство» (Екатеринбург), затем вошли в сборник «Гимны кооперации» и книгу «Земство и кооперация». Уже в этом письме видны стихотворные задачи, которые в этот момент приходилось решать Блиновскому. По-видимому, переехав в Москву, стихотворцу приходилось выполнять и другие многочисленные стихотворные «заказы», связанные с различной кооперативной продукцией, но результаты этой деятельности обнаружить не удалось. Важен и другой вопрос: мог ли Блиновский с 1914 г. по 1917 г. находиться на фронте? Точных сведений об этом также нет, но сохранилось свидетельство о выполнении воинской повинности, в котором сказано, что Блиновский «Прибыл и зачислен в 233 пехотный запасный полк в “12” роту в звании ратника “25” октября 1916 г.», а 17 февраля 1917 г. «служивший в 233 пехотном запасном полку ратник Блиновский Павел Яковлевич по освидетельствованию... признан неспособным к военной службе» [Свидетельство о выполнении...]. В 1917 г. Блиновский служит в Москве в «Центрочае» (в должности управляющего делами организации). С 26 января 1916 г. по 25 июля 1917 г. Блиновский работал в Центральном Всероссийском Союзе Потребительных Обществ [Удостоверение-характеристика председателя и членов коллегии Центросоюза на П. Я. Блиновского...]. Здесь, а затем (в 1918 г.) и в ЦЧК «Центрочай» ему приходилось выполнять разнообразные поручения: составлять тексты к сметам и отчетам Союза, вести протоколы заседаний, писать специальные доклады (например, на темы кооперативного страхования, кооперативных санаториев и т. д.); в основном, это была, по-видимому, литературная работа, но в 1918 г. заведующий секретариатом «Центрочай» Блиновский «уполномачивается Народным Комиссариатом Путей Сообщения производить осмотр складских помещений Московского узла для целей учета находящихся там чайных грузов...» [Удостоверение заведующего секретариатом «Центрочай» ВСНХ П. Я. Блиновского].

В 1920 г. Блиновский вновь оказывается в Екатеринбурге. Он заведует секцией текущей статистики Екатеринбургского Губстатбюро (с 4 августа 1920 г. до 20 декабря 1921 г.) [Удостоверения заведующего секцией текущей статистики Екатеринбургского Губстатбюро П. Я. Блиновского], с 6 августа 1921 г. до выхода в отставку он был членом Управления Коллегии Губстатбюро [Там же]. В строгом стиле официального документа все же находится место эмоциональной оценке: «Отзыв о работе П. Я. Блиновского должен быть короток и ясен: широкая осведомленность, высокая квалификация, максимальная интенсивность и наивысшая продуктивность труда, — вот чем в главнейшем характеризовалась вся эта работа» [Там же]. В 1922 г. работает в должности секретаря уполномоченного Сибцентросоюза на Урале и одновременно сосредотачивается на журналистской деятельности: становится сотрудником Уральского отделения РОСТА, «состоит заведующим отделом газеты “Уральская новь”» [Удостоверение сотрудника

Уральского отделения РОСТА...], становится «постоянным сотрудником редакции “Уральский рабочий”» [Там же], «занимает должность управляющего делами Уральской Областной товарной Биржи» [Там же, л. 6], 24 апреля этого же года получает письмо от Екатеринбургского Губернского Союза сельскохозяйственных и кустарно-промысловых Кооперативов, предполагающего литературное участие Блиновского в новом журнале «Крестьянское хозяйство», который Союз решил выпускать. В этом журнале какие бы то ни было произведения Блиновского обнаружить не удалось, но в июне 1922 г. в «Уральском рабочем» появляется фельетон, направленный против одного из решений этой организации [Горец. Гримасы «хозрасчета»].

Эта лихорадочная деятельность завершилась 7 августа 1922 г., когда Блиновский умирает от холеры [Быков, 1922а; 1922б]. Последний фельетон Блиновского был опубликован в «Уральском рабочем» 4 августа 1922 г. В. М. Быков раскрыл в некрологах последние псевдонимы Блиновского. Они четко различались функционально. В «Уральском рабочем» под псевдонимом *Горец* опубликованы стихотворные фельетоны, а под псевдонимом *Бунтарь* — прозаические. Такое же разделение было в «Уральской нови»: *Старожил* (возможно, подходящий для опытного газетного сотрудника Блиновского, но диссонирующий с названием газеты псевдоним также был своеобразной «позой» фельетониста) и *Резец* (удалось обнаружить только один текст) «писали» прозаические фельетоны, а *Земляк* (в каком-то смысле перекликающийся с *Путником*, одним из первых псевдонимов Блиновского) — стихотворные. По-видимому, отголоском былой популярности псевдонима *Мистер Бумс* стал следующий факт: в № 188 «Уральской нови» 12 августа 1922 г. (т. е. после смерти Блиновского) был опубликован «Маленький фельетон» (дореволюционная рубрика, все еще сохранявшаяся в советской газете), подписанный *Мистер Буфф*. Скорее всего, это не посмертная публикация Блиновского: она слишком коротка и не обнаруживает мастерства фельетониста, кроме того она служит откликом на корреспонденцию, напечатанную в № 186, также после смерти Блиновского. Возможно, кто-то из редакции хотел продолжить серию фельетонов знаменитого *Мистера Бумса*, немного изменив псевдоним, но более никаких текстов за этой подписью обнаружить не удалось.

Блиновский завоевал популярность своими дореволюционными фельетонами. Интенсивность его работы в начале 1920-х гг. говорит о том, что даже после семилетнего перерыва читатели помнили его, фельетоны были востребованы. После смерти Блиновского В. М. Быков даже планировал собрать все стихотворные тексты своего друга и напечатать их отдельной книгой, о чем свидетельствовала вдова стихотворца, но такое издание не было осуществлено, а через семь лет в юбилейной книге, посвященной «Уральскому рабочему», не будет сказано ни слова о старом газетном работнике [Филов, с. 81, 136].

Вместе с тем фельетонист не мог не откликнуться на изменения в газетной прессе и жанре фельетона. Блиновский представляет собой интересный пример фельетониста, сумевшего создать и после революции востребованные

фельетонные тексты. Исследователи (одновременно критики) фельетона в 1920-е гг. особенно отмечали, что современный им фельетон должен быть совершенно другим по сравнению с дореволюционным: «раньше» фельетон был скорее «...игрой пера. Материал для фельетона не брался со стороны, а возникал в процессе этой игры» [Юргин, с. 62], можно было встретить и более жесткие оценки: «...с 30–40-х гг. (XIX в. — И. К.) фельетон не превращал бытовой материал в литературный, а наоборот, *паразитировал за счет олитературенного литературой быта и регламентированной газетой политической сенсации*» (курсив автора. — И. К.) [Журбина, с. 31]. Фактически дореволюционный фельетон «обвиняли» в несерьезности (игра), несамостоятельности («паразитирование» на «материале» литературы), приверженности к неоправданно «крикливой» интонации (стремление к сенсационности).

Между тем, в фельетонах Блиновского (и до-, и послереволюционных) читатель обнаруживал аналитический подход к тому или иному событию, общественной фигуре, ситуации. Фельетон Блиновского был «действенным» (этого требовал контекст «газетной литературы»), обязательным финалом его почти всегда был призыв к совершению поступка или уже сам такой поступок (называние проблемы, с которой затем можно было бороться, решать ее). Причем фельетоны Блиновского, опубликованные в «Уральском рабочем» и «Уральской нови», были посвящены как местным темам, так и общегосударственным: с одной стороны, фельетоны говорили, например, о ситуации, сложившейся на конференции в Гааге (1922), а с другой стороны, некоторые фельетоны были посвящены местному Губкожу, отказывавшемуся отправлять врача в Уктус, местному отделению Госбанка, продававшему муку, но только по 25 пудов, как будто специально рассчитывая, что ее смогут купить только спекулянты, наконец — известному в Екатеринбурге 1910-х и 1920-х гг. доктору Сяно.

Фельетон должен быть злободневным, он вызван к жизни происшествием, требующим текстуализации. Вслед за кратким сообщением или корреспонденцией он обозначает, как может обсуждаться это происшествие или ситуация. Фельетон должен «добавить» к сухому изложению фактов какую-либо эмоцию: гнев, сарказм, усмешку, удивление, растерянность и т. п. Но в послереволюционных фельетонах Блиновского появляются характерные для советского периода приемы критики действительности и приемы воздействия на читателя [Подлубнова, с. 342]. Очень жестко противопоставлены бедный люд, рабочий люд, с одной стороны, и те, кого можно заклеить словом «вельможи» — с другой:

Хозрасчет всего дороже,
А здоровье, в общем, — грош...
Нет уж, в качестве вельможи
Не полезет вон из кожи
Для рабочего Губкож

[Горец. Гримасы «хозрасчета»]

На государственном уровне особенно отмечено противопоставление «буржуазного мирка» Европы, где собираются на Гаагскую конференцию «буржуазные львы», и российской пролетарской стихии [Горец. Политика «закрытых дверей»]. Этот «классовый подход» уже подхвачен фельетонистом, и хотя он не призывает к «расправам», сохраняя образ добродушного лирического героя дореволюционного фельетона, но тенденция уже обозначена достаточно явно. Этот лирический герой привычно для Блиновского (равно как и для *Садко* (Н. Станиславов), *Никто-не* (В. П. Чекин) и других известных фельетонистов) не принадлежит к какой-либо социальной группе: это не рабочий, не крестьянин, не чиновник, — это прохожий, подмечающий недостатки, сталкивающийся с теми же трудностями [Литовская, с. 399], что и многие горожане: собрав «деньжонок на полпуда», он отправляется за «госбанковской мукой» на Отрясихинскую улицу (ныне улица Радищева, здесь важно отметить реалистичность городской топографии), а затем «отрясая прах от ног» уходит оттуда; узнав об известности доктора Сяно, он обязательно «вставит словечко» и посоветует не ходить к нему, поскольку лечение слишком дорого; сетует на безденежье и неорганизованность социальной жизни.

В фельетонах 1920-х гг. появляется и новое противопоставление: сытость и голод. Образы пищи, снеди, еды постоянно преследуют лирического героя, иногда в неожиданных вариантах: это и уже упоминавшаяся «госбанковская мука», это Сяно, оказывающийся «сытее всех врачей», Вандервельде и его сподвижники на Гаагской конференции, начинающие чувствовать себя «как сельди в бочке», Европа предстает в виде хищника, который «будет наблюдать»; с другой же стороны «На бедноту и тут, и там / Сурово Голод напирает» [Горец. В день помощи голодающим]. Подобные образы (без отрицательных коннотаций) появлялись в дореволюционных текстах Блиновского и других фельетонистов только в масленичные дни. Здесь же они используются уже сатирически, тогда как ранее представляли собой раблезианские мотивы в описании известного праздника.

Одна из отличительных черт фельетона — хлесткая фраза, *un mot*, «словечко», которое запоминалось бы и передавалось читателями далее в разговорах. Часто это слово становится рифмой. Фельетон обозначает «врага», искажающего идеальную ситуацию, совершающего тот или иной неблагоприятный поступок. Соответственно подыскивается рифма для такого «врага»: «Рассердился Вандервельде: / Что ж мы тут как в бочке сельди»; рифмы к фамилии доктора Сяно: «обезьяна», «сана», «изьяна»; не обеспечивший врачебной помощи рабочим Губкож — «грош»; Гаага рифмуется со словами «зигзаги», «деляги», «передраги» и т. д. Причем особенную роль играет в фельетоне Блиновского финал. Рифма знаменует финал строки, поэтому она и запоминается лучше, но и финал всего фельетона несет важную функциональную нагрузку. Именно здесь обозначается понимание ситуации, лирический герой как будто проговаривает прямо то, на что он намекал на протяжении всего текста. Например, в фельетоне, посвященном беспорядкам на железной дороге, именно в финале можно увидеть непосредственный призыв к действию, расправе:

Фрахты, сборы —
 Поезд скорый,
 А расходы —
 Пешеходы
 [Горец. Старые пути]

Ну, а что, однако, скажут
 Эти люди без обману,
 Если их возьмут да «смажут»...
 Уж совсем не по карману?..
 [Горец. Подмазка]

В другом фельетоне финальная рифма связывает главного негативного «героя» текста и то негативное явление, которое он вызвал к жизни:

И тем, кто греет руки,
 Пора бы, для науки,
 Покрепче их связать
 Да с твердостью сказать:
 — «Нахально поступая
 На счет чужого пая, —
 Ступай-ка, негодяй,
 Сперва поголодай!..»
 [Горец. Присоски АРА]

Неожиданность рифм и финала фельетона подтверждает принципиальную черту такого рода текстов: неожиданный поворот, доводящий ситуацию до абсурда, — конструктивный принцип многих фельетонов. Это может быть неожиданность речений (обман читательских ожиданий): «Вандервельде поспешил, / Не щадя мозгов и жил» (вместо ожидаемого патетического «не щадя живота своего»), «Мне претит такая снедь / Не желаю я краснеть» [Горец. Не спросясь броду] (в этом отрывке ожидаемая «краска стыда» оказывается изменением цвета кожи от обильной пищи). Но неожиданными становятся и ситуации, характеристики: доктор Сяно «недаром на обухе» «молотит рожь» (подразумеваемая известная пословица «на обухе рожь молотить» при характеристике врача может вызвать комическую реакцию); чтобы «стронуть» с места «неподвижные вагоны», «Надо трогательно в оси / Выжать сочные... “лимонь”» [Горец. Подмазка]. Эта неожиданность часто привносится разговорной интонацией, столкновением в обычном разговоре нестандартных тем, даже отдельных слов, своей мнимой «неправильностью» направляющих понимание ситуации в верное русло. Фельетон, если исследовать его внелитературное задание, фактологичен, факты — в нужном ряду, необходимо только показать их значение. Но важно и то, что «фельетон ориентирован на загадочное высказывание с непременным условием: разгадка, как в детских хрестоматиях, написана тут же, но вверх ногами» [Журбина, с. 25].

Блиновский всегда был мастером развития фельетонной темы, доводя ее иной раз до комически абсурдной ситуации. Причем не всегда он начинает с главного: в фельетоне «Наблюдатели» «Пролетарского потопа / Опасается Европа» [Горец. Наблюдатели] метафора является отправной точкой в развитии темы: делегация из Франции становится цивилизованным и немного робким «потоком», направляющимся в Гаагу, где — вновь метафора — повсюду «плотины, шлюзы» уже утомили морской прилив, а потому цивилизованный «окоп» сможет справиться со стихийным потоком — Россией. Первоначальная метафора вовлекает в свою орбиту все новые образы: появляются предположения («какие же в Гааге будут выкинуты флаги?»), подхватывающие «морскую тему». С другой стороны, тема потока-движения издевательски подхвачена сравнением пути французской делегации с подземным ходом крота, и т. д. Блиновский сближает две темы в каждом из своих фельетонов, умело совмещая высокий стиль с низким.

Конечно, фельетонист не был независим в своих суждениях, в представлении фактического материала. Этого не было и в дореволюционном творчестве Блиновского, поскольку любой фельетонист должен был оглядываться на программу (в том числе политическую) газеты, которая печатала его произведения. Для Блиновского характерно стремление приносить своими текстами практическую пользу: в одном ряду здесь оказываются работы, проводившиеся им в Томске и посвященные проблеме доведения до потребителя чистого молока [Блиновский] (для начала XX в. это особенно важно, так как могло предотвратить вспышки эпидемии холеры), «карамельные стихи», упоминавшиеся Лаврухиным в письме, постоянное сотрудничество в кооперативных журналах Екатеринбурга «Уральское хозяйство» и «Уральский кооператор», служба в Губстатбюро. Однако в том же ряду оказываются фельетоны Блиновского, казалось бы, предполагающие большую степень «литературности», вымысла, игры словами, смыслами и т. д. В образе этого автора воплотились еще не обозначившиеся достаточно резко черты «спеца», который был «призван» в редакцию вновь появившихся советских газет для того, чтобы заполнить страницы фельетонами, напоминавшими читателю дореволюционный газетный раздел «Маленький фельетон», но уже с принципиально иной, более практической задачей.

Источники

Блиновский П. Молоко в городах. Томск, 1905.

Горец. В день помощи голодающим // Урал. рабочий. 1922. № 165 (1345) (25 июля). С. 1.

Горец. Grimасы «хозрасчета» // Урал. рабочий. 1922. № 142 (1323) (27 июня). С. 2.

Горец. Наблюдатели // Уральский рабочий. 1922. № 137 (1317) (21 июня). С. 2.

Горец. Не спросясь броду... // Урал. рабочий. 1922. № 135 (1314) (18 июня). С. 2.

Горец. Подмазка // Урал. рабочий. 1922. № 161 (1341) (20 июля). С. 2.

Горец. Политика «закрытых дверей» // Урал. рабочий. 1922. № 139 (1320) (23 июня). С. 2.

Горец. Присоски АРА // Урал. рабочий. 1922. № 174 (1353) (4 августа). С. 2.

Горец. Старые пути // Урал. рабочий. 1922. № 152 (1333) (8 июля). С. 2.

Свидетельство о выполнении воинской повинности П. Я. Блиновского // ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 6. Д. 65. Л. 1, 3.

Телеграммы и письма П. Я. Блиновскому от В. Весновского, журналов и газет с предложениями прислать материал // ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 6. Д. 60. Л. 9–9 об.

Удостоверение заведующего секретариатом «Центрочай» ВСНХ П. Я. Блиновского // ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 6. Д. 67.

Удостоверение сотрудника Уральского отделения РОСТА, газеты «Уральская новь», секретаря уполномоченного Сибцентросоюза на Урале, сотрудника газеты «Уральский рабочий» П. Я. Блиновского // ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 6. Д. 71.

Удостоверение-характеристика председателя и членов коллегии Центросоюза на П. Я. Блиновского, занимавшего в Центросоюзе ряд должностей // ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 6. Д. 66.

Удостоверения заведующего секцией текущей статистики Екатеринбургского Губстатбюро П. Я. Блиновского // ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 6. Д. 70. Л. 2–3.

Исследования

Быков В. П. Я. Блиновский. Некролог // Урал. новь. 1922. № 178. 8 августа. С. 1.

Быков В. П. Я. Блиновский. Некролог // Урал. рабочий. 1922. № 178. С. 3.

Власова Е. Г. Уральская стихотворная фельетонистика конца XIX — начала XX века : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Екатеринбург, 2001.

Жулякова Н. В. Между литературой и журналистикой: Фельетоны Ф. В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири. Вып. 9 : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавании в средней и высшей школе». Томск, 18–19 октября 2007 г. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 333–345.

Журбина Е. Современный фельетон (Опыт теории) // Печать и революция. 1926. № 7. С. 18–35.

Козлов И. В. Творчество П. Я. Блиновского в екатеринбургской периодике: жанр стихотворного фельетона // Дергачевские чтения — 2014: Русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций : материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 6–7 октября 2014 г.) / [отв. ред. О. В. Зырянов]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 267–274.

Красовская С. И. Фельетон на страницах «Амурской правды» 1921 года: на материале фельетонов П. Суслова // Лосевские чтения — 2009 : материалы регион. науч.-практ. конф. Вып. 2 / под ред. А. В. Урманова. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. С. 22–33.

Литовская М. А. Фельетоны Аркадия Гайдара в газете «Уральский рабочий» // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг. = Literary process in regional periodicals, of the 1830–1930-ies : от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему» / [З. С. Антипина, Е. Г. Власова, Н. Б. Граматчикова и др. ; редкол. : Е. К. Созина (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. С. 398–400.

Мандрика Ю. Л. Фельетон как разговор с читателем: провинциальная версия // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 1 (71). С. 85–93.

Поддубнова Ю. С. Газетный литератор в провинциальной прессе конца XIX — первой трети XX в. (на материале уральской печати) // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг. = Literary process in regional periodicals, of the 1830–1930-ies : от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему» / [З. С. Антипина, Е. Г. Власова, Н. Б. Граматчикова и др. ; редкол. : Е. К. Созина (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. С. 342–351.

Старый А. В. Первый оренбургский фельетон: признаки жанра и личность фельетониста («Оренбургский листок» 1876–1878 гг.) // Вестн. Оренб. гос. пед. ун-та. Естеств. и гуманитар. науки. 2007. № 2 (48). С. 84–90.

Филов Вик. Тридцать лет (К истории рабочей печати на Урале и к десятилетию «Уральского рабочего»). Свердловск : Изд. газ. «Уральский рабочий», 1928.

Чекин В. П. Летопись славных и постыдных дел, знамений небесных и чудесных событий города Екатеринбурга, столицей Урала именуемого / вступ. ст. и коммент. Ю. Сахновская. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018.

Юргин Н. Фельетон на местную тему // Журналист. 1925. № 6–7. С. 62–64.

References

Bykov, V. (1922). P. Ya. Blinovskiy. Nekrolog [P. Ya. Blinovskiy. Obituary]. *Uralsky Rabochi*, 178, p. 3. (In Russian)

Bykov, V. (1922, August 8). P. Ya. Blinovskiy. Nekrolog [P. Ya. Blinovskiy. Obituary]. *Uralskaya Nov'*, 178, p. 1. (In Russian)

Chekin, V. P. (2018). *Letopis' slavykh i postydneykh del, znamenii nebesnykh i chudesnykh sobytii goroda Ekaterinburga, stolitsej Urala imenuemogo* [Chronicle of the Glorious and Shameful Deeds and Miraculous Events of the City of Yekaterinburg, Named the Capital of the Urals]. Yekaterinburg: Kabinetnyi uchonyi. (In Russian)

Filov, V. (1928). *Tridtsat' let (K istorii rabochei pechati na Urale i k desiatiletii "Ural'skogo rabochego")* [Thirty Years (On the History of the Worker Press in the Urals and on the Tenth Anniversary of *Uralsky Rabochi*)]. Sverdlovsk: Izdanie gazety "Uralsky Rabochi". (In Russian)

Kozlov, I. V. (2015). Tvorchestvo P. Ya. Blinovskogo v yekaterinburgskoi periodike: zhanr stikhotvornogo feljetona [Blinovskiy's Creative Work in Yekaterinburg Periodicals: Genre of the Poetic Feuilleton]. In O. V. Zyryanov (Ed.), *Dergachevskie chteniya — 2014: Russkaya literatura: tipy khudozhestvennogo soznaniia i dialog kul'turno-natsional'nykh traditsii* [Dergachev Readings — 2014: Russian Literature: Types of Artistic Consciousness and Dialogue of Cultural and National Traditions] (pp. 267–274). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Krasovskaya, S. I. (2009). Feljeton na stranitsakh "Amurskoi pravdy" 1921 goda: na materiale feljetonov P. Suslova [Feuilleton in *Amurskaia Pravda* in 1921: With Reference to P. Suslov's Feuilletons]. In A. V. Urmanov (Ed.), *Losevskie chteniia — 2009* [Losev Readings — 2009] (Iss. 2, pp. 22–33). Blagoveshchensk: BGPU Press. (In Russian)

Litovskaya, M. A. (2016). Feljetony Arkadiia Gajdara v gazete "Uralsky rabochi" [A. Gaidar's Feuilletons in the *Uralsky Rabochi* Newspaper]. In Z. S. Antipina, E. G. Vlasova, N. B. Gramatchikova et al., *Literaturnyi protsess v regional'noi periodicheskoi pechati 1830–1930-kh gg. = Literary process in regional periodicals, 1830s–1930s: ot "Zavolzhskego murav'ia" k "Ural'skomu rabochemu"* [Literary Process in Regional Periodicals, 1830s–1930s: from *Zavolzhski Muravei* to *Uralsky Rabochi*] (pp. 398–400). Yekaterinburg: Kabinetnyi uchonyi. (In Russian)

Mandrika, Yu. L. (2010). Feljeton kak razgovor s chitatelem: provintsial'naia versia [The Feuilleton as a Conversation with the Reader: Provincial Version]. *Izvestia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Series 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury*, 1 (71), 85–93. (In Russian)

Podlubnova, Yu. S. (2016). Gazetnyi literator v provintsial'noi presse kontsa XIX — pervoi treti XX v. (na materiale ural'skoi pechati) [Newspaper Writer in Provincial Press of the Late 19th — First Third of the 20th Centuries (with Reference to the Ural Press)]. In Z. S. Antipina, E. G. Vlasova, N. B. Gramatchikova et al., *Literaturnyi protsess v regional'noi periodicheskoi pechati 1830–1930-kh gg. = Literary process in regional periodicals, 1830s–1930s: ot "Zavolzhskego murav'ia" k "Ural'skomu rabochemu"* [Literary Process in Regional Periodicals, 1830s–1930s: from *Zavolzhski Muravei* to *Uralsky Rabochi*] (pp. 342–351). Yekaterinburg: Kabinetnyi uchonyi. (In Russian)

Starykh, A. V. (2007). Pervyi orenburgskii feljeton: priznaki zhanra i lichnost' feljetonista ("Orenburgskii listok" 1876–1878 gg.) [First Orenburg Feuilleton: The Features of the Genre and the Identity of the Feuilletonist (*Orenburgskii Listok*, 1876–1878)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Estestvennye i gumanitarnye nauki*, 2 (48), 84–90. (In Russian)

Vlasova, E. G. (2001) *Ural'skaia stikhotvornaia feljetonistika kontsa XIX — nachala XX veka* [Ural Poetic Feuillettonistics of the Late 19th — Early 20th Centuries] (doctoral dissertation). Yekaterinburg. (In Russian)

Yurgin, N. (1925). Feljeton na mestnuiu temu [A Feuilletton on a Local Theme]. *Zhurnalst*, 6–7, 62–64. (In Russian)

Zhilyakova, N. V. (2008) Mezhdru literaturoi i zhurnalistikoi: Feljetony F. V. Volkhovskogo v “Sibirskoi gazete” [Between Literature and Journalism: Volkhovsky's Feuillettons in *Sibirskaya Gazeta*]. In *Amerikanskie issledovaniia v Sibiri. Vyp. 9 : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. “Amerikanskie idei kontseptsii v humanitarnykh issledovaniakh uchenykh Sibiri i prepodavanii v srednei i vysshei shkole”. Tomsk, 18–19 oktiabria 2007 g.* [American Studies in Siberia] (Iss. 9, pp. 333–345). Tomsk: Tomsk University Press. (In Russian)

Zhurbina, E. (1926). Sovremennyi feljeton (Opyt teorii) [Contemporary Feuilletton (An Attempt at the Theory)]. *Pechat' i revolyutsiia*, 7, 18–35. (In Russian)

Козлов Илья Владимирович

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской и зарубежной литературы
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: i.v.kozlov@urfu.ru

Kozlov, Iliia Vladimirovich

PhD (Philology), Associate Professor
Department of Russian and Foreign Literature
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: i.v.kozlov@urfu.ru
ORCID: 0000-0001-8712-4492